

Валерия Трембовецкая

ПОСЛЕДНЯЯ КЛЯТВА РОДА ВЕЛЕМИРА

КНИГА 1. МИР ДО БУРИ

18+

Валерия Трембовецкая

**Последняя клятва рода
Велемира. Книга 1. Мир до бури**

«Автор»

2026

Трембовецкая В. Л.

Последняя клятва рода Велемира. Книга 1. Мир до бури /
В. Л. Трембовецкая — «Автор», 2026

Хочешь окунуться в мир, где былинная сила встречается с древней магией? Среди непроходимых лесов высится Школа «Чертог Велемира», где стихии подчиняются воле, а древние руны хранят тайны старинных родов. Сюда прибывают богатыри, и уклад меняется. Первая любовь, родовые клятвы и эхо прошлого сплетаются в один вихрь. Но за стенами школы — Государство Великое, плетущее интриги, и борьба за княжеский престол отзывается эхом даже в учебных залах. В первой книги серии начинается великий путь!

© Трембовецкая В. Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Московская Школа магии «Чертог Велемира»	5
Глава 1. Приезд дружины	5
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Валерия Трембовецкая

Последняя клятва рода

Велемира. Книга 1. Мир до бури

Московская Школа магии «Чертог Велемира»

Глава 1. Приезд дружины

Восемь могучих лошадей стремительно прорезали ночной лес. Казалось, кони идут на невидимой сцепке: так синхронно и слаженно они проходили повороты и осуществляли маневры по извилистой дороге восточно-европейской равнины. Первая четверка всадников задавала темп, четко держа строй, а замыкающая четверка прикрывала тыл, зорко оглядывая сумрачные заросли по сторонам. Лошади неслись почти бесшумно, лишь изредка земля глухо отзывалась на тяжелый перестук копыт, но звери и птицы испуганно разбежались под эхо громовых раскатов богатырского смеха.

Дружина Ратного Ратибора направлялась в учебное заведение Велемира¹ для оценки надежности оплота. По чести сказать, каждый дружинник без труда и со светлым сердцем променял бы сие занятие на схватку с Упырем или Лихо Одноглазым, но Воевода дал наказ, а долг перед Воеводой уступает лишь долгу перед Нареченным Магом. Да и Школа, как говорили старцы, «была на магов мудрена и на золото богато», ибо первый маг огня, ступивший на землю русскую, заложил тот гранит знаний, что и по сей день грызут московские недوماги и магини². Надо отметить, что и отряд был не простой. Вряд ли от Балтийской косы до Кавказского хребта нашелся бы дружинник, который не знал о богатырях Ратибора. Былины правда о них не слагали, а небылью их странствия обросли немалой. Но что бы ни говорили завистники и восхвалители, преданность и отвагу богатырей приукрасить все равно не смогли бы.

Но даже в самом суровом строю, где слово строго и кратко, найдется место доброй шутке и дружескому глуму. Особенно когда дружину пополняет новичок, молодой и несведущий, а путь далек и гладок. Вот тут обычно и начинается потеха.

— Да никой след я не теряла! И в дуб не врезалась! Ствола не тревожила, лишь шерсть о кору почесала, — возмущалась Чернавка под дружный хохот дружинников. Она была вторым после Лютого волком в отряде и сейчас уверенно вела свою четверку, успевая отхаивать словоохотливых братцев и точно повторять маневры передовой группы. Смуглая кожа и отливающие медью волосы отличали в ней представительницу южных широт. Внимательные янтарно-карие глаза, с острым цепким взглядом и стремительные четкие движения в сумерках делали ее неуловимой. Являясь по духу диверсанткой и заводилой, Чернавка, несмотря на единство сущности, не находила общего языка с Лютым, державшимся особняком, зато стала щебечущим оберегом всего отряда. Словоохотливость волчицы была камнем преткновения ее жизни: собственная стая сначала посмеивалась над ней вполголоса, потом ее перестали звать на охоту, а после вовсе не заметили, что она ушла. Но если раньше ее голос был шумом, в

¹ Московская Школа магии «Чертог Велемира», получила свое название в честь сына Радосвета Златогривого, первого огненного мага.

² Термины «недомаги» и «магини» носят снисходительный, бытовой характер: так неформально обозначают учеников магических школ, не завершивших три полных цикла обучения и не создавших собственного ритуала. В официальной речи не употребляются.

отряде Ратибора он стал сигналом. И гордости волчицы не было предела оттого, что появились люди, способные его услышать.

— Ты лучше скажи, как явил собой Столб Вековой, Веденей! — добавила Чернавка.

— Подвиг не обязан быть грубым — он может быть изящным, — пропел едущий сзади дружинник. — Да и не к месту сейчас Столбы наводить.

— Да ты не показывай, а сказывай, — не унималась волчица. — Прохору наука будет.

Щеки Прохора мгновенно вспыхнули девичьим румянцем. Сегодня был его первый «боевой» поход с отрядом, и хоть он знал, что негоже Богатырю краснеть как девица, ничего не мог с собой поделывать. Он старался держать вид строгий и неприступный, но беспечное щебетание волчицы и флиртующие темы опускали его в пучину стыда. Хоть задание было не воинское, а мирское, чести и долга в нем, не меньше, чем в сече грозной. И как ранее возглашал Михей, помощник Ратного, наставляя дружину: «Стоять здесь надобно твердо, как на рубеже». Прохор хотел выполнить наказ с достоинством и честью еще и для того, чтобы заслужить благосклонность Ратибора, тем самым отблагодарив его за открытие пути в дружинные ряды. Каждый молодой Богатырь в Мечиборовом Граде³ мог лишь мечтать об этом. И вот шанс встать под стяг отряда, к удивлению и тихой зависти многих, достался не родовому Богатырю или потомку вологов⁴, а сыну простого гончара из приграничного городка на юго-востоке, который и умеет, что ладно так глину плавить. В его роду не было великих магов, но считалось, что гончары чувствуют материал тоньше прочих, а значит, понимают и мир глубже. Его отец говорил: «Глина учит слушать. А мир — это большая глина, и он тоже ждет, когда его поймут». Вот и сегодня он ловил каждое слово дружины, будто драгоценную руну, и прятал в тайник памяти.

— Мал еще, — отрезал едущий справа от Чернавки Булат. Его тихий, тяжелый и лаконичный говор напоминал гул уральско-горных скал, из которых он был родом и внешне схож. Булат чуть натянул поводья, выравнивая коня в строю, и покосился на новичка, будто прикидывая, хватит ли у того выдержки дотянуть до привала.

— Да по сравнению с тобой любой Богатырь, что орешек под сапогом, — хмыкнула волчица, и по строю прокатился смешок, будто ветер шевельнул сухие листья. — Посмотришь и не разберешь, где нога, где голова: все в одну горсточку сжалось!

— Неразумный, — отмахнулся Булат.

Не быстр, но могуч, он всегда стоял в центре строя, принимая на себя самые сильные удары боя. Сам мог одним ударом разломить вражеский щит, а его собственный щит был легендой отряда: на нем было столько вмятин, что от них он стал тверже. Удивительным образом это качество работало и с направленной на него магией. Булат впитывал магические удары, и от этого становился только крепче; он словно заземлял чужую силу, наращивая невидимые слои защиты. Видно поэтому и тяготел к магам земли, как некоторой только ему ведомой опоре. К прискорбию, размеры чуть не погубили Булата. Окруженный волками-оборотнями, малоподвижный, он не смог отразить удары стаи. Острые клыки впивались в его плоть, разрывая на куски могучее тело. Он кричал, махал руками, но не сумел остановить обезумевших тварей. И тут на выручку пришел Ратибор с небольшим отрядом. Они отбили от стаи и дотащили сломленного скалу-Булата до сторожевого Яра, где Воевода Святозар⁵ излечил Богатыря. С тех пор Булат пошел в отряд Ратибора, верой и правдой ежечасно отдавая Ратному свой смертный долг. Не ради славы, а чтобы честно жить и защищать тех, кто слабее. И хоть раны давно зажили на теле, но так и не затянулись в его чуткой душе, поэтому, приняв самолично волков в отряд, он старался держаться от них подальше.

³ Главная твердыня богатырей, расположенная на высоком берегу Волги, возведенная первым Богатырем Мечибором.

⁴ Вологты — в славянских преданиях это древний народ исполинского роста, часто описываемый как предшественник или прародитель богатырей.

⁵ Действующий Воевода, ведающий Мечиборовым Градом.

— Да уж помудреней будет, — съязвила Чернавка. — Помнишь, как сам согласился быть Чаростражем⁶ одного Земного. И он три недели заставлял камни в лесу на месте лежать⁷, а ты сторожил его.

— На пне сидел. Промок, — отмерил порцию слов Булат и кончил разговор.

Всадники сделали очередной поворот, держа строй. Лунный свет выхватил из темноты шершавые стволы берез: на миг они вспыхнули, будто белые призраки, и вновь погрузились во мрак, уступая место темной массе ельника. Воздух казался густым, плотным: в нем кружилась мелкая пыль, а редкие мотыльки, словно застывшие искорки, замирали в серебристом свете и тут же пропадали в тени.

Лес по обочинам был не сплошным: тени распадалась на густые стены хвои, на просветы с полянами, куда ночь спускалась ровным темным ковром. На опушках темнели силуэты старых дубов; их коряво-сказочные ветки тянулись к дороге будто пытались схватить тень мчащихся в едином ритме всадников. Над лесом висела россыпь звезд, а между редкими облаками примостилась луна, удлиняя и без того чернильные тени в лесу. Сырой, земляной дух тянулся отовсюду: пахло прелыми листьями и далеким дымом, делая воздух настоящим, осязаемым. Несмотря на кажущуюся беспечность, каждый из восьми дружинников отряда чутко слушал тишину вокруг, мог в мгновение ока принять боевой вид и вступить в схватку с врагом. Но молчаливый, спящий лес продолжал бежать мимо, а разговор струился в своем русле.

— Булат у нас болтун, — подметила волчица, — за бой слова три порой и скажет.

— Да все по делу, а ты трещишь как сорока, грибовиков только и пугаешь, — вступился Веденей.

— Меня выгоняли за то, что я слишком много говорю. А теперь я говорю ровно столько, чтобы никто не умер от незнания, — фыркнула волчица.

— Да глаголет язык без костей, и как сложно отличить ум в том теле, в который его не положили, — парировал Веденей.

Веденей был единственным выходцем знатного рода в отряде. Белокурый синеглазый статный муж разительно выделялся среди выжженных на солнцепеке боя богатырей. Но по духу был им равным. Его семья, веками стоявшая между войнами и князьями и спасавшая равновесие мира в речах и словах, обнажила все скрытые пороки в Час Пылающих Рун⁸. Он видел, как его род использует слова, прикрывая несправедливость: красивые фразы приводят к жестоким решениям, превращающим крик отчаяния в сделку. Он ушел не из гордости или бунта, а из чувства долга: если слово может остановить кровь, считал он, то оно не должно служить тем, кто проливает ее. «Я могу опустить меч словом, — сказал он Ратибору, — если пригодится, я с тобой». «Пригодится!»: ответил Ратный и отправил его учиться держать тот самый меч, ибо Богатырь, даже самый искусный в слове, сначала воин, а потом уже посол и писарь. За малое время острие клинка Веденей сравнялось и превзошло острие его языка, но правду сказать, что чаще и мастерски использовал он оружие, теснившееся в ножнах богатырских шаровар, так как был очень влеком женским полом и не делал различий между княжескими магинями и полевыми крестьянками, если стан был строен, а лик прекрасен.

— Ладно сама расскажу, — не унималась волчица. — Перевозили мы одного мага-ремесленника на ярмарку, ну и зашли в трактир... — она запнулась, вспомнив, что хоть Ратный и был далеко, но слышал все прекрасно, и новость о возлияниях, даже малых, его не обрадует, поэтому быстро сменила лад, — воды для лошадей попросить. А там трактирщица, Марфа...

— Марфа, — мечтательно пропел Веденей.

⁶ Чаростраж — тот, кто стоит на страже, пока маг творит чары; выполняет только защитную функцию.

⁷ Заклинание «Твердая печать»: эффект визуально неотличим от отсутствия заклинания.

⁸ Полночь Пылающих Рун — та самая ночь, когда поднялся мятеж, в котором был убит Князь Ярополк Великий, и преклась линия бесменного рода, столетиями державшего власть над землями Государства Великого.

— Да пусть и Марта, — отмахнулась Чернавка. — Наш герой, конечно, сразу в бой устремился...

— Красота момента в его решимости, — вновь вступил в разговор дружинник.

— Не руби речи на полуслове! — возмутилась Чернавка и тут же продолжила, пока не перебили. — Так вот, герой наш к красавице направился, а хозяйка сама глазками заиграла, роптать начала: мол, вдова она, да помочь ей некому. Воин наш не растерялся — тут подать, там подсобить: стол поправить, бочку дубовухи⁹ на задний двор вынести, да задержаться там...

Рассказчица многозначительно покосилась на дружинников, что рядом на конях держались, будто подсказывая: вот каков наш Веденей, ни труда, ни скуки не чурается, и продолжила:

— Тут и муж у вдовы объявился, что оказывается в город за провизией ездил, да по дороге ось у повозки повредил. Наш брат не растерялся, да застыл соляным столбом. Стоит, не шелохнется. Муж жену в трактире не нашел и сразу на задний двор прибежал, а жена его кудахчет, на Веденя показывает: мол, вот Страж Вековой. Купец, говорит, заезжий был, денег расплатиться у него не хватило, пришлось ему этого Стража в залог оставить. Обещал купец скоро воротиться, а пока Стражу стеречь меня наказал, а то ты, супруг мой, все в разъездах и разъездах. Поверил трактирщик, голову почесал, да и махнул рукой: мол, коли купец слово дал, значит, так тому и быть. А дружинник наш, едва все уснули, тихонько из двора выскользнул да вскочил в седло. Только пыль из-под копыт взвилась да растворилась в ночной тиши.

— Я не ищу легких дорог, я ищу дороги, о которых будут слагать песни, — пропел Веденей.

— Не знаю на счет песни, но «Ярового корня»¹⁰ ты перед этим изрядно хлебнул, — снова распалила огонь задора Чернавка. — Помнится ты потом неделю летописи у себя в келье переписывал. Да так что мозоли от пера натер.

Тут уж такой бахнул и прокатился дружный богатырский смех, что и гром позавидует.

Предводитель отряда Ратный Ратибор посмотрел на звезды и сверился с картой, на бересте начерченной. Он редко вступал в разговор и перепалки дружины, но никогда не наказывал за вольности и случайно всплывшие огрехи былых походов (которые в основном нелепо раскрывала говорливая Чернавка). Прошное должно покоится в тишине, там его место.

Еще довольно молодой, но орошенный сединой, он был суров и сведущ. Руны, украшавшие могучие тела дружинников, дополнялись на его теле шрамами, которые сильнее говорили о его характере и являли собой карту ошибок, которые он больше никогда не совершал. Он был одним из немногих богатырей, для которого Полночь Пылающих Рун была не самым страшным поворотом судьбы. Его жизнь сломалась раньше, когда сердце выжгли, а душу опалили. Близкий по духу магам огня, он сам в юности отличался неукротимым нравом, но именно это пламя сожгло и уничтожило его тогда. Вопреки боли и предательству, в нем удивительным образом остались крупинцы доверия, сострадания и уважения, которые благодатными семенами проросли в его дружине. Он не выбирал отряд, кажется, отряд выбрал его, Богатыря с клеймом Каторжника поверх бережных рун.

Только Михей, его помощник и правая рука, был тут по приглашению Ратибора. Именно Михей всегда ехал рядом с Ратным, и его мнение первое принималось к рассмотрению. Прямой потомок богатырского рода, невысокий, но ладный, охотливый на шутку в минуты покоя и в напряжение боя, Михей снискал уважение братьев остротой ума и смекалкой. Видимой казалась ему не сила удара, а направление ветра: откуда придет враг, где прорвется строй и куда отправлять гонца за подмогой. С детства служил он под крышей богатырского двора, отстаи-

⁹ Дубовуха — старинный напиток из меда, дубовой коры и диких ягод: терпкий, густой, с долгим древесным послевкусием. Говорят, после чарки даже в самый лютый ветер не продрогнешь.

¹⁰ Настой на корне хрена, который является символом резкого, сокрушительного удара. Корень натирали и настаивали на холодной воде с ломтиком черного хлеба и щепоткой соли. Такой настоем пили перед стремительной атакой: он разжигал внутренний огонь, делал движения быстрыми и точными, а взгляд — острым, как лезвие. И в любовных делах был сподручен.

вал честь и закон в славном бою, но именно в тишине ратных палат приметил его Ратибор. Однажды принесли донесения о бое, но сильные противоречия содержали свитки. Пока все спорили, Михай посмотрел на карту, посчитал и с точностью до часа предсказал, где из Залесья выйдет враг. С тех пор он пополнил отряд, мягким шутивым поморским говором приговаривая «где сила не пройдет, там ум проскользнет», вызывая чуть больше доверия и чуть меньше страха, чем Ратный.

— Дельно придумано, — заметил Михай, проходя очередной поворот. Ратибор не сомневался, что помощник заметит искусно сплетенные подвесные корзинки на поворотах, похожие на гнезда иволги, только обращенные против ветра. Они не звенели и не светились, но умели «ловить» звуки темной магии в лесу: если кто-то шептал заклинание или прятал шаги, корзинки начинали петь. Они имели и утаенные свойства: если бросить в них щепотку соли, то оглушали мир вокруг, давая богатырям время скрыть отход. Ратибор гадал, знал ли вешавших их о скрытых чарах гнезд или случайно разместил тут. Сомнения теряли силу с каждым поворотом, открывавшим верстовые столбы с вырезанными узорами-оберегами, рябиновые вешки с живой ягодой и защитные запоры на мостах. Не просто рядовые обереги, а хитрый заслон: крепкий, как дуб, да скрытый от взора, чтоб враг не приметил. И по тому, как защитная стена была поставлена, сразу видно было мастерство того, кто возводил ее. Тут был и опыт в ратном деле, и знания об обитателях местных лесов.

Ведь не могла тишина обмануть закаленного опытом Ратного. Не видел, но ведал он, какие опасности скрывает глушь. Были там и корнехваты, и пни-шептуны. Первые, неотличимые от переплетений корней и сухих веток, выбрасывали из земли гибкие, жилистые «руки» и утаскивали вниз увлеченного заклинанием мага. Вторые, на вид обычные старые пни, поросшие мхом, при приближении мага начинали из трещин в древесине источать тихий, настойчивый шепот, складывающийся в его собственные сомнения: «Ты не готов», «Тебя забудут», «Ты ошибся». Чем дольше стоял маг, тем правдивее звучали слова, и магия была здесь бессильна: ведь шепот не заклинание, а отражение внутреннего страха. За ними, все глубже в чаще скрывались листорезы и моховые душители, особенно опасные обитатели сырых оврагов. И странные фигуры вечных путников в потрепанных плащах, не имевших лица и не оставлявших следов, которые уводили в забвение наиболее любопытных магов и воинов. Но даже лесной хохотун не смог бы проскочить мимо расставленных охранных чар: сама земля шепнула бы о нем, и знак его проступил бы на дозорных рунах.

Размышление о неизвестном пособнике их делу вернули Ратибора к мыслям об отряде. Такая разная кровь течет в жилах его дружинников, а сердца всех бьются в лад. Нелегкие пути-дороги привели их под общий стяг, да там и сплотили.

Волки пришли по отдельности, но вместе. В очередной раз доказывая, что глуп тот человек, который не знает о любви природы к балансу, когда на чаши весов всегда кладутся равные меры. Волчица пришла к ним на рассвете, при переходе Межевого перевала, когда они встали лагерем у Южных Холмов. И быстрой скороговоркой речи, непривычной богатырскому слуху, начала говорить об опасности, и слова ее сливались в единый тревожный гул, будто рой встревоженных пчел загудел над лагерем. Первые слова так никто и не смог понять, но смекалистый Михай быстро взял в толк, что лучники стоят на склоне, пехота идет по руслу, а конница ждет, и что эти три силы накроют их, если они немедленно не поднимут отряд. Быстрые сборы и стремительное отступление спасли тогда жизни дружинников. Волчица исчезла также быстро, как и появилась. Но через некоторое время, когда события той поры успели покрыться пылью памяти, уставшая, в пыли и копоти, появилась она у ворот Мечиборова Града, рассказала, как она покинула (не по своему желанию) стаю, побегала со свитой потомков Айгуль, и теперь изъявляет желание присоединиться к отряду Ратибора. Воевода, отдать должное его терпению, до конца выслушал заковыристый, скачущий поток речи гостьи и принял решение оставить ее

на время догляда¹¹. У нее были чуть зауженные глаза, острый нос и немного лисьи повадки, чем и попрекали ее богатыри, которым она не давала продыху. От хлесткого удара обидного слова Чернавка демонстративно уходила в свою клеть¹², сворачивалась в колечко на жесткой кровати и непродолжительное время игнорировала весь мир. Правда быстро возвращалась, и речь ее текла, не зная ни берегов, ни края, ни передышки. Отряд, сначала морщившийся от ее болтовни, со временем проникся уважением к ее способности переводить тишину в слова и находить в них опасность.

Картина знакомства с Лютым написана другими красками. В Холояре при битве за Горный Перевал, что рядом с Черным Лесом, одержавший победу отряд попал под сход лавины. Они были отрезаны от пограничных отрядов и дозорных на северных рубежах. Ратибор готовился отправиться на поиски, что было равносильно смерти, ибо не только враг живой в тот день преследовал их. Зима стояла свирепая: снегу насыпало по пояс, вокруг бушевал разрывающий сцепленные руки вечер, и скрип вековых, без крон нищих, черных деревьев сотрясал небо. Припасы унесла лавина, силы были на исходе и тропа исчезла. Как вдруг шипящий, отрывистый дремучий голос зверя раздался с востока, скрывая владельца в снежной пелене метели:

— Следы не исчезают, просто становятся тише.

Перед ними медленно предстал жилистый длинноволосый человек с дикими горящими глазами, который, казалось, не замечал холода и метели.

— Оставаться опасно: внизу убьет засада, здесь холод, — прошептал незнакомец и, обратившись в обличье северного волка, двинулся между дружинниками по только ему ведомой тропе. Нелегкий выбор стоял перед Ратибором. Не разменивают богатыри доверие, как мелкую монету, но инстинкт дал команду следовать за волком.

Лютый знал эти места не по картам, а по шрамам: тут, на опушке Черного Бора, жил его род, его семья. Пока на закате Черного дня не пришли супостаты, прикрытые магией. Его семью вырезали, а самого Лютого бросили умирать в снегу. Он выжил не от силы, а из упрямства. Цепляясь клыками и когтями за землю, дополз он до леса и схоронился в корнях старых деревьев, а потом выл, и выл, и выл, пока не загорелась волчья пасть огнем, и оставалось только скулить. Когда последние силы покинули его, Лютый забылся целительным сном. Но с тех пор только тихий шепот сопровождал его, и не было доверия в душе волчьей ни людям, ни магам. Что подтолкнуло его в ту ночь выйти в буран для спасения отряда, доселе остается загадкой. Да только сквозь ветер прошли они к Залесью, к Пустони, а там и миновали Холодный Яр. Довел их волк аж до самой Гряды, а на предложение вознаграждения ответил отказом: «Я спас вас не ради монет. Я знаю, как выглядит смерть, когда она приходит по снегу». Предложение остаться в отряде принял, идти было некуда. И с тех пор всегда прикрывал спину Ратного, даже сейчас невидимой тенью находясь позади него.

Смех прокатился по рядам, будто сама ночь подавилась звуком, и воздух загудел от дружного хохота. Чем ближе был рассвет, тем оживленнее становились разговоры: вспоминали прошлые проверки, первые опыты и те самые ошибки, что теперь, спустя время, казались не промахами, а уроками, обросшими байками и прибаутками.

— Ты главное не робей, — наставляла Прохора Чернавка. — Сейчас приедем, и сразу начнется привычная потеха. Вывалится вся школьная стража гурьбой, будто им не дворы охранять, а целую рать останавливать. Толпой навалятся, грудью дорогу перекроют, чтобы показать, какие они грозные да сильные. И непременно станут мешать: то под руку сунутся, то дорогу заступят, то начнут бормотать про Устав да про дозволение. Знают ведь, что богатырям работать надо, а все равно лезут, каждый миг норовят в дело нос сунуть. Думают, шумом да напором уважение сыщут. Да только от этой их суеты ни проку, ни ладу, одни помехи да пустая

¹¹ Испытательный срок.

¹² Клеть — небольшая рубленая комната, в которой дружинник спал.

сумятица. Держи щит поближе, Прохор: сперва они громкими словами возьмут, а уж потом и делом мешать начнут. Но отряд свое дело сделает, хоть сто стражей встанет, а богатырский долг с дороги не сбить. Мы с Лютым в лес уйдем, от греха: негоже доносы на нас писать, что оборотней отряд привел, княжеским детишкам угрожать. Вы останетесь работать и жизни их воинской учить-поучать.

Чернавка благоразумно умолчала, как в первый год такой проверки по своей словоохотливой привычке завязала дружбу с кажущимися добродушными учениками, да и разболтала о богатырях запретное. Ошибку уже поздно осознала, покаялась сама, приняла наказание от Ратибора и впредь дружбу с учениками не водила, и лишних речей на службе не вела. Да и каждый дружинник имел неписанный наказ от Ратного о том, как держаться: Веденею категорически возбранялось «искать расположения княжеских магинь и смущать юные души речами, что слаще меда», Булату наказывалось «не ломать скамьи, двери и перила, не проверять на прочность нерадивых учеников», волкам «не судить по запаху и следу: сперва слово, потом клык», травнику «не собирать редкие травы без учета и не испытывать новые составы на учениках». Но, истине верно, травник вызывал меньше всего беспокойства у Ратного, но больше всего вопросов у остальных дружинников.

Травник Кузьмич, ехавший по левую руку с Ратибором, был, пожалуй, самым скрытным человеком в отряде. Худощавый, но широкоплечий двигался он так тихо, что даже сухая трава под его сапогами боялась хрустнуть. Седые пряди, выбившиеся из-под потрепанного колпака, контрастировали с неожиданно темной, жесткой бородой, будто в ней еще держался отголосок прежней, более суровой жизни. Он почти не говорил, а если и ронял слово, то коротко и точно, так что его фраза врезалась в память крепче любого крика. Молчаливый знаток ядов и трав, никогда не рассказывал о себе, но всегда появлялся там, где требовалась точность: проверить воду, осмотреть припасы, понять, почему у лошади дрожат ноги, а у человека кружится голова. Он ведал травами, знал, как отличить полезный корень от смертельного, и умел читать следы сапог и капель: где пролилась настойка, где рассыпали порошок, где оставили невидимую метку. Одни сказывали, будто служил он в дозорной башне на границе, подмечая малейшие признаки отравы и обмана. Но в одну безлунную ночь понял, что яд принесли не враги, а свои: кто-то из старших дозорных договорился с чужаками и подсыпал отраву в общий котел. Кузьмич успел предупредить нескольких, но не всех. Наутро он остался среди мертвых и выживших, и с тех пор не доверял ни приказам, ни красивым словам, только фактам и запахам. Другие молвили, что был он лесником и знахарем в приграничной деревне, оберегал одну рощу, старую, с деревьями, чьи корни уходили глубже памяти людей. Но пришел новый князь, освободил от службы Кузьмича и спалил рощу, расчищая земли под пашни. С той поры в округе начали пропадать люди, а по ночам слышался хруст сухих ветвей там, где не было ни одного дерева. Помочь уже было некому. Что было на самом деле Кузьмич не говорил, а богатыри не спрашивали. Потому как дружеское плечо подставить — это в отряде завсегда, а вот в душу лезть — не братское дело. Но в дальний поход без него не выходили. Потому что прекрасно знали, тишина бывает громче крика. Особенно когда она пахнет полынью.

Вот из таких разных людей и складывался отряд Ратибора. Не по роду сошлись они, а по судьбе: каждый пришел из своего края, со своей правдой и своей болью. Каждый занимал свое место: Михай видел путь, Лютый чувствовал опасность, Чернавка замечала то, что другие пропускали, Веденей останавливал ненужные битвы, Кузьмич оберегал от невидимого, а Булат держал линию там, где ломалось все остальное. И когда над Великим Государством снова сгустились тучи, летописцы записывали не имена князей, а имя Ратного, который умел собрать отряд так, что каждый в нем становился сильнее — не потому, что был лучшим, а потому что был нужным.

Но даже эта сплоченность не уберегла когда-то Богатыря-дружинника Тьмяра от неизбежного рока, и прозвонил по нему трижды колокол на Вестовой звоннице¹³ и понес отряд Ратибора невосполнимую потерю. Минули дни, раны затянулись, и пришла пора не просто жить дальше, а заполнить каждую пустоту новым смыслом, ибо как говорит Ратный закон: восемь дружинников — это стражи всех восьми путей: ни один враг не подкрадется незаметно, ни одна беда не придет с «косой» стороны. Круг получается полным, а значит, и защита несокрушима. Так появился у них в отряде Прохор, и хоть Ратибор и отправил его на попечение Михея, но и с себя ответственности не сложил. И теперь, окидывая мысленным взглядом отряд, вспоминал, пожалуй, самую длинную фразу Булата, оказавшегося во власти речей Веденей, что потчевал его кувшином грозowego меда¹⁴: «Раньше я думал, что сила — это когда тебя боятся. Теперь я знаю: сила — это когда рядом с тобой не боятся». И разве может быть больше смысла для отряда, стоящего на страже покоя и силы магов.

— К месту подходим, — коротко бросил Ратибор, и в рядах обеих групп будто щелкнул потайной засов, и каждый по заведенному порядку, без торопливости и суеты, притянул к себе то, что беречь положено. Кузьмич, упрятав под ткань берестяной туесок, молча переложил пару мешочков с травами так, чтобы они легли ровно по бокам и в рывке не тренькнули. Чернавка проверила надежность клинка на поясе, Лютый тихо щелкнул фиксатором короткого клинка у голенища. Михей бросил взгляд на бересту с поручением. Булат только чуть сдвинул плечи, проверяя, не жмет ли броня на сгибах, и с коротким выдохом опустил подбородок. Веденей, едва заметно улыбнувшись, провел ладонью по воротнику, разглаживая невидимую складку, и спрятал в рукав маленький серебряный медальон — знак, который мог открыть любую дверь или, наоборот, закрыть разговор одним взглядом. Новичок сжал повод так, что побелели костяшки, волнение накатывало на него, как темная волна: сначала легкой рябью пробежало по рукам, потом потяжелело в груди, а после и вовсе сковало язык. В воздухе повисло их общее напряжение — тихое, пружинистое, готовое распрямиться в любой момент.

Лошади сделали виток, и Школа будто сама выросла из земли и камня: строгая, угрюмая и в то же время живая, как старый лес. Широкий каменный забор опоясывал всю территорию, будто пояс-оберег. Его сложили из темно-серого дикого камня, плотно подогнанного без лишнего раствора. Говорили, что мастера клали его под заговор, чтобы ни одна тень не проскользнула сквозь щели. Ворота были тяжелые, дубовые, окованные железом, с выбитым на металле знаком — сплетением дорог: три линии сходились в круг, а круг разрывался, словно приглашая войти. Над воротами висел резной наличник, будто с обычного терема, но в узоре прятались руны: не кричащие, а тихие, вписанные в завитки так, что их замечал только тот, кто знал, куда смотреть.

Всадники встали с двух сторон от ворот, строго, по незримой линии, и в этой четкости была привычная для отряда дисциплина. Когда воздух растворил звуки спешившихся шагов и стука копыт, а дружина выстроилась полукругом, вокруг воцарилась тишина. Небо еще держало на себе тяжесть ночи, но по краю горизонта уже тянулась тонкая, едва заметная полоса, как осторожный штрих кистью. В воздухе висел запах остывшего дыма и сырой земли, а над крышей тянулась тонкая полоса тумана, пряча Школу под вуалью.

— Ново, — заметил Булат и замер.

¹³ Высокая звонница стоит в Мечеборовом Граде, рядом с домом Воеводы. У нее три колокола разного тона: низкий — сигнал тревоги и общего сбора; средний — известие о возвращении отряда и победах; высокий, редкий удар — о смерти или отречении Богатыря.

¹⁴ Крепкий, густой, напиток янтарного цвета. Делают на диком меде и травах, собранных в грозу: зверобой, чабрец, корень девясила. В конце перегонки в чан бросают раскаленный в кузнечном горне гвоздь — говорят, так напиток «берет силу железа». Пьется тяжело, после него руки будто наливаются тяжестью, а усталость будто стекает с плеч. Подается только тем, кто осилит три чарки «Клятвенного огня».

Школа казалась не просто безлюдной, она походила на огромного великана, погруженного в тяжелый, неестественный сон. Не было в тишине покоя, лишь затишье без бури. Богатыри ждали. Секунды тянулись, как вязкий мед, пока створки двинулись неохотно, со стоном, будто не хотели пускать гостей, и все же распахнулись. На пустом школьном дворе, вымощенном булыжником по древнему узору — круги и спирали гасили лишние всплески силы, не давая магии разбегаться впустую — стоял один единственный страж. Хотя капюшон скрывал лицо, сомнений в том, что это женщина, не возникало. Одежда на ней была хорошей — не парадной, но добротной: плотный плащ из темной кожи, подбитый мехом, кожаные ремни, прочные сапоги, явно сшитые на заказ. Ткань нигде не провисала, не была залатана — все говорило о том, что стража здесь не бедствует и не запущена. Но именно эта добротность на фоне безлюдья выглядела странно, почти вызывающе.

Искра воспоминания промелькнула где-то на краю сознания Ратибора и погасла.

Тишина стала отчетливее. Михей, как предписано, шагнул вперед, доставая бересту с наказом, но короткий взмах руки Стража остановил его. Отвергнув формальности, она повернулась к ним спиной и, не оглядываясь, молча пошла вперед уверенной, тяжелой походкой. Гости переглянулись, посмотрели на Ратного и в едином согласии двинулись следом. Но уже не как проверяющие, а как те, кто вошел в чужую, настороженную крепость, и должен был держать глаза открытыми каждую секунду. Михей, успевший заметить и оценить систему охраны, состоящую из невидимых линий силы, сигнальных рун, ловушек, которые не бьют, а лишь показывают, где враг, не удержался и прошептал:

— Тут даже воздух знает, что мы здесь.

И Ратибор молча согласился и с оценкой помощника, и с прозвучавшим в его речах восхищением. Он мысленно менял план дозора и нарядов и пытался угадать, какие сюрпризы ждали их внутри. Но вот дружинники прошли по двору, поднялись по широкому крыльцу главного терема и оказались в круглом зале без окон, с купольным потолком. Страж наконец остановилась, медленно повернулась и сняла капюшон. Лицо у нее было будто высечено из камня: резкие скулы, прямой, немигающий взгляд, в котором не было ни страха, ни подобострастия. Волосы, темные, почти черные, с одной посеребренной прядью, были туго заплетены в косу, и эта коса лежала на плече, как рукоять меча. На груди — нагрудник из темной кожи с нашитыми металлическими пластинами, на поясе — два клинка: один длинный, другой короткий, оба с простыми, но тяжелыми гардами. Пальцы были в тонких кожаных перчатках, но даже сквозь них чувствовалась сила хвата.

Ратибор на секунду задержал дыхание. Сомнения и тревога вновь шевельнулись внутри, как живые. Ни стан, ни лико, ни волос стража не были ему знакомы, но ее поза без вызова и покорности, решимость и внутренне превосходство начали внутреннюю мысленную борьбу за веру в то, чего не может быть.

Женщина-страж чуть наклонила голову. Она смотрела на богатырей так, словно уже просчитала, кто из них ударит первым, кто будет прикрывать, а кто пытаться говорить. И ровным, низким голосом, в котором слышался легкий отзвук металла, произнесла:

— Добро пожаловать в Велемир!

И тут, точно по сигналу, где-то за оградой двора прокричали петухи. Громко, настойчиво заторопили они новый день. Полоса на горизонте стала шире, налилась розовым, и тьма начала отступать,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.